

АЛЕКСАНДР АРСЕНТЬЕВ

АлкоМат 4

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Арсентьев
АлкоМаг 4
Серия «АлкоМаг», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69293608

SelfPub; 2023

Аннотация

Загнанный в угол, ты всегда выбираешь вариант наименьшего Зла. Выжить сейчас, а уж остальное приложится. Из сетей интриг цивилизованного мира – прямиком в топку войны. Инстинкт выживания становится образом жизни ...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	37
Глава 4	54
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Александр Арсентьев

АлкоМаг 4

Важно! Данное произведение ни в коем случае не является попыткой пропаганды употребления алкоголя. Скорее, ставит перед собой совершенно противоположные задачи. Помните, алкоголь – враг здоровья!

Описанные в произведении события, сам мир, персонажи – являются исключительным плодом фантазии автора. Любые совпадения с действительностью считать случайными!

Глава 1

Разношерстная толпа «призывников» не уделила нам практически никакого внимания – мы удостоились лишь беглого взгляда со стороны мобилизованных народных масс. Разношерстная – не в плане одеяния – тут как раз было все одинастно до безобразия: потертый камуфляж и стоптанные башмаки, а касаясь широкой возрастной линейки, национальностей и прочих индивидуальных особенностей. Этакая «банда батьки Махно», глубоко законсервированная до лучших времен.

Делать нечего, нужно было как-то обустроиваться и в этом временном аду – я медленно побрел вдоль двухъярусных «шконок» в надежде найти свободное место. Это казалось весьма затруднительным, так как все они были до безобразия одинаковы – белья, как такового, не было. Лишь голые продавленные сетки.

– Парни, а где тут свободное место можно найти? – обратился я к мужикам, кучкой расположившихся на паре сдвинутых коек.

– Ребята, а вон там, левее, гляньте, – молодой парень, весь в цветных татуировках, указал в сторону. – Хотя, нас самих не более часа назад привезли. Хер тут у них что поймешь. Вы с какого округа прибыли?

– Вот честно – не знаю, – я открыто улыбнулся. – Мусора

утром запаковали и даже не знаю – в какое отделение отвезли. А уже оттуда – сюда определили ...

– Ясно, – кивнул татуированный.

Я прошел в указанный сектор казармы и тяжело плюхнулся на более-менее презентабельную сетку, жалко скрипнувшую под весом моего тела. Только сейчас заметил, что те, кто прибыли вместе со мной, невольно потянулись следом и расположились поблизости. Мужчина приблизительно моего возраста присел на соседнюю койку и неожиданно протянул мне руку.

– Леха, – уголки его рта дрогнули в сдержанной улыбке. – Земляками будем – с одной «земли» заехали.

– Андрей, – я пожал протянутую ладонь и улыбнулся, давая понять, что оценил шутку.

Улыбка моя получилась весьма натянутой – к этому моменту меня уже всюю колотило. Действие утренней дозы абсента подошло к своему логическому завершению ...

– Ты чего такой смурной? – нахмурился Леха. – Ломает?

– Ага, – кивнул я. – Вчера дал жару – сегодня расплачиваться буду ...

Леха что-то прикинул в уме, внимательно осмотрелся по сторонам, а потом хлопнул меня по плечу.

– Ты полежи пока, а я осмотрюсь. Может знакомого кого увижу. Сам-то из какого района?

– Да я проездом в Москве, – взмахнул рукой я. – Вышло неудачно ...

– Да уж, – согласился Алексей. – Лан, я скоро ...

И он медленно побрел по просторам «призывного пункта». Я же перевернулся на живот и уткнулся носом в металлическую сетку. От души скрипнул зубами – похмелье постепенно накрывало меня с головой ... Думать о чем-то совершенно не хотелось. Да и о чем тут можно думать, когда кругом, куда ни кинь, полная жопа ... Тут, как говорится, можно только гадать – какое дерьмо тебе преподнесет грядущий день. Свобода перемещений моя отныне ограничена Вооруженными силами Московской Империи. Остается только ждать и надеяться на счастливый случай, который даст мне возможность выскочить из грядущей мясорубки.

Виски отчаянно пульсировали, поэтому я обхватил голову руками и попытался очистить сознание. Вскоре, незаметно для самого себя, я задремал ...

Снились менты, госгвардейцы и, почему-то, пожарные ... Все они нелепо и бестолково бегали по Бурой площади и старались как-то между собой взаимодействовать. Я попытался уловить хоть малейшую логику в этих сумбурных телодвижениях, но так и не смог.

– Это у них слаживание происходит, – прокомментировал кто-то из-за спины. – В преддверии Дня патриота.

– Да, признаться, я и сам я всегда считал патриотизм весьма аморфным понятием, – кивнул я. – И вот это – лишний раз доказывает ...

Заинтересовавшись, я обернулся. Пожевывая непонятно

где взятую травинку, передо мной стоял Кирилл Андреевич – тот самый мужик, с которым я имел весьма напряженную беседу в Инструкторской по БСБ.

– Не надумал к нам? – опять принялся он за свое.

– К вам, это – сюда? – я мотнул головой в сторону кишащих на площади силовиков. – Заниматься вот этой вот херней?!

– Насчет херни ..., – он почесал затылок. – Знаешь, а в чем-то ты прав. Но, обрати внимание – с каким энтузиазмом они ею занимаются! Не каждому дано! Грациозность, отточенность каждого движения, суровая красота! И все это, заметь, на благо Отечества! Ну, так как – вольешься в наши стройные ряды?

– Я тебе уже как-то говорил – нахериди, – ответил я, впрочем, вполне беззлобно. – Ну, не мое это – заниматься херней! А если уж заниматься, то я предпочту заниматься исключительно своей херней ...

– Имеешь ввиду алкоголь? – саркастично поддел меня Кирилл Андреевич.

– Да хотя бы и его! – с апломбом ответил я. – Все лучше, чем вот так ...

Я отвернулся и вновь попытался разгадать этот чудовищный перформанс, реализованный людьми в форме перед Кремлевской стеной. Пожалуй, если добавить спецэффекты в виде салютов и голых девиц, то получится очень даже живенько ...

Кто-то настойчиво тряс меня за плечо ...

– Андрюха, живой еще? Подъем! Поправляться будем!

Я с трудом разлепил опухшие веки – надо мной склонился мой новый друг – Леха. Он подмигнул мне, а потом красноречиво сунул мне под нос литровую бутылку «Империи». Волк с этикетки, казалось, подмигнул мне. Я свесился с кровати и судорожно изогнулся. Из рта на пол стекла тоненькая струйка слюны. Блевать было нечем – и тут облом, однако ...

– Ну, ты, брат, даешь! – тихо рассмеялся парень. – Сколько дней зажигаешь?

– Не помню ..., – тяжело произнес я, отирая рот рукавом. – А вообще – по жизни ...

– Ну, видимо, такая у нас судьба ..., – без всякой улыбки, многозначительно произнес Леха.

Я поморщился и вопросительно взглянул на него. Это он сейчас что имел ввиду? Я помотал головой –показалось, на-верное ...

Потом я уселся на кровати и, взглянув на водку, опять содрогнулся всем телом. Тем временем, Леха вскрыл бутылку и поднес ее мне.

– Понемногу, – заботливо посоветовал он. – Нужно пре-одолеть момент отторжения – чтоб привилось ...

– Пожил – знаю ..., – хмуро ответил я и дрожащей рукой принял бутыль.

Поле того, как водка обожгла мое горло, я глубоко вздох-нул и задержал дыхание. Несколько секунд спустя констати-

ровал – прошла! Потом я передал бутылку Лехе. Тот кивнул в ответ и отхлебнул в свою очередь. Он занюхал рукавом и достал из кармана пачку сигарет и зажигалку.

– Куришь? – вопросительно поднял он густые брови.

Я кивнул, и мы закурили. Я искоса взглянул на товарища по несчастью. Высок, пожалуй – с меня ростом. Худощав. Глаза серые, как северное море, и такие же холодные. Впрочем, когда он вкладывал в свою речь эмоции, то в них расцветали едва уловимые искры. Несмотря на стриженный череп, было легко угадать в нем блондина. Его выразительные губы практически всегда искажала усмешка прирожденного циника.

– Слушай, Лех, – прищурился я. – Ты как сумел водку с сигаретами раздобыть?

Парень недоверчиво взглянул на меня, а потом красноречиво покачал головой.

– Ты, видимо, в Москве проездом из другой страны – потому такой наивный. У нас же как? Везде, где существует запрет, тут же открывается зеленый свет теневому бизнесу! Так и тут, все логично, Андрюха!

– И кто тут этот самый бизнес открыл? – недоверчиво огляделся я.

– Так сами же вертухаи и открыли! – Леха не сводил с меня ироничного взгляда. – Ты чего такой чудной?! Едва я подошел к одному, он мне тут же прайс-лист выкатил с полным раскладом, в котором только бабы отсутствуют. Ну, и силь-

нодействующие ... Правда тут один «на кумарах» подошел, так он и его в сторонку отвел – на собеседование ...

– Дела ..., – почесал я затылок. – А деньги?

– Так у меня были! – Алексей улыбнулся. – После бани каптер вернул, лишь себе пару сотен срезал.

– А мусора неужели не забрали? – искренне изумился я.

– Так не успели, – Леха развел руками. – На меня же только протокол составлять начали за то, что дорогу в неположенном месте перешел.

– По твоему сюжету можно ролик снимать. О необходимости соблюдения правил дорожного движения ..., – невесело усмехнулся я. – Нарушил – отправился на Уникальную Вооруженную Акцию ...

– А то! – Леха протянул мне пузырь. – Давай еще по глотку!

И мы оформили еще по глотку. Закурили, стряхивая пепел прямо на пол. Я осмотрелся – похоже, в этом хлеву мало кто вел себя по-другому. Практически на каждом «участке» образовалось свое «сообщество» по интересам. А интересы, как я понял, тут были только одни. Если предположить, что контингент в данном помещении был собран исключительно по «мусарням», то большинство присутствующих мечтало лишь об одном – опохмелиться. Ну, а остальным – нажраться с горя. И, что было вполне естественным, вскоре казарма приобрела все признаки большого шалмана – песни, танцы, пьяные разборки. Многие, к этому времени с лихвой

восстановившие статус-кво, уже валялись на койко-местах без каких-либо чувств. Кто-то плакал навзрыд, проклиная злодейку-судьбу. Кто-то ожесточенно блевал. Одним словом – призывной пункт Великой армии!

Я вновь приложился к бутылке, передал ее Лехе и вопросительно взглянул на него.

– Что делать думаешь?

Он ответил мне пронзительным взором – словно пытался проникнуть в мои мысли. И, уже секунду спустя, я понял – он действительно пытался! Я его мгновенно заблокировал, воздвигнув воображаемую каменную стену. Леха с пониманием кивнул, а потом вновь взглянул на меня.

– Ты – давно? – тихо спросил он, и я сразу понял, что он имеет ввиду способность видеть.

– Не так чтобы, – уклончиво ответил я. – А ты?

– Всю жизнь ..., – взгляд собеседника был устремлен в неведомые мне дали, словно он пересматривал всю свою жизнь.

– И как ты пришел к выводу, что ..., – я красноречиво взболтал «Империю».

– А, это ..., – Леха ностальгически усмехнулся. – Спасибо бате, царствие ему небесное. Тот еще был алкаш ... Когда это проявилось, то на семейном совете он, прикола ради, налил мне из своей бутылки. Я едва не сжег горло, но выпил. Для пацана стопки оказалось вполне достаточно, и через пять минут мы уже направились к менту-соседу, у кото-

рого был еще допотопный прибор. Он показал «по нолям» Ну, и ... закрутилось.

– Ясно, – ответил я и решил вновь вернуться к интересовавшей меня теме. – Что делать-то будем? Я надеюсь, ты не горишь желанием исполнить свой воинский долг по отношению к правящей хунте?

– Хунта? – Леха наморщил лоб, а я понял, что зря пытаюсь оперировать понятиями своего мира.

Однако Леха немедленно уловил суть контекста и усмехнулся.

– Долг? Бог с тобой, какой нахер долг?! Валить нужно при первой возможности! Я с момента начала транспортировки ловлю момент ...

В это момент где-то под сводами помещения взвыла сирена. Причем, оглушительно так взвыла – у меня аж зубы заныли. Я мгновенно вскинул взгляд вверх и немедленно их обнаружил – четыре мощных динамика были подвешены по углам. Пару секунд спустя из них раздался надтреснутый мужской голос:

– Граждане мобилизованные! Внимание! Прослушайте важное сообщение! Через две минуты вас посетит начальник призывной комиссии – полковник Смурной Вячеслав Геннадьевич. Во избежание каких-либо инцидентов, убедительная просьба – всем присутствующим рассредоточиться по периметру помещения, исключая вход в казарму! Повторяю ...

Невидимый диктор вновь прогремел о необходимости

всем «рассосаться» по периметру, после чего заиграла браваурная мелодия, в которой я немедленно узнал гимн Империи – его я когда-то слышал в виде рингтона на мобильнике Фарса.

– Ну, чё? Пойдем или забьем? – проямлил кто-то справа едва ворочающимся языком.

– Да пойдем, приколемся! – залихватски взмахнул рукой его собеседник.

Медленно и явно нехотя мобилизенты поднимались с насиженных мест и выстраивались вдоль обшарпанных стен. Пустые и полупустые бутылки никто даже не пытался спрятать или взять с собой – все равно к ним возвращаться через несколько минут. Многие так и не смогли подняться – их не смогли растолкать даже заботливые собутыльники.

Мы с Лехой тоже поднялись и направились к ближайшей стене, где примкнули к нестройной шеренге едва стоящих на ногах призывников.

Через минуту массивные входные двери распахнулись. Вновь заиграл гимн и в помещение проворно вбежали с десятков вооруженных автоматами бойцов. Они расположились полукругом по обе стороны от дверей. Замыкал это «вторжение» высокий худощавый человек с погонами полковника. Не иначе, это и был босс заведения – Смурной В.Г. В руке офицера был мегафон.

Смурной презрительно осмотрел подшефный контингент и коротко рывкнул в громкоговоритель:

– Равняйся! Смирно!

Пьяная толпа изобразила нечто похожее на «смирно», подсознательно попытавшись хотя бы сохранить равновесие. Один, особо старательный низкорослый мужичок, чеканя шаг, вышел перед строем и, приложив ладонь к «пустой голове», звонко гаркнул:

– Не извольте беспокоиться, вашбродь! Все будет в лучшем виде, вашбродь!

После этого, под одобрительное хихиканье товарищей по оружию, он четко развернулся «кругом» и встал на свое место.

В ответ на эту эскападу полковник лишь презрительно сморщился, как будто проглотил что-то кислое. Он поднес мегафон к губам и неохотно произнес:

– Значит так ... Вот это, – он ткнул пальцем в только что отличившегося недомерка, – было в последний раз! Каждый, кто попыбует выделиться из толпы, будет немедленно наказан по законам военного времени! Не сомневайтесь – все необходимые полномочия для этого у меня есть. Кто-нибудь хочет что-то возразить?

Леденящим взором он обвел стоящих перед ним призывников. Где-то справа послышалась возня и сдавленное «Да сиди ты ровно на жопе ...» После этого, расшвыряв по сторонам собратьев, на всеобщее обозрение вырвался огромный детина далеко за два метра ростом. Было заметно, что он изрядно пьян, но на ногах мужчина держался крепко – в этом

ему было не отказать. Он исподлобья взглянул на полковника, откашлялся в кулак, а потом с вызовом произнес:

– Слышь, ты, крыса тыловая! Ты так перед малолетками-призывниками выебывайся, а не перед нами! Мы, бля, на войну идем! И нам похую твоя дисциплина! Мы, бля, такое тут можем замутить, что ...

Видимо, от избытка чувств он закашлялся ... В этот момент Смурной кивнул бойцу, стоявшему справа от него – тот молниеносно вскинул автомат и одиночным выстрелом снес «спикеру» половину черепа. Остальные воины отреагировали мгновенно – подняв стволы оружия, они взяли под контроль каждый свой сектор возможного обстрела.

Шокированные призывники безмолвно и зачарованно смотрели на еще подергивающееся тело, левая нога которого отчего-то согнулась в колене, а потом вновь распрямилась ...

– Есть еще желающие высказаться? – пристальным взглядом обвел Смурной контингент. – Нет. Тогда продолжим ...

В этот момент в передних рядах рухнул в обморок молодой парень, по всей видимости – принявший гибель товарища по несчастью слишком близко к сердцу. Я и сам, признаться, почувствовал себя не в своей тарелке и слегка покачнулся – уж слишком невероятным и далеким от действительности казалось все происходящее.

– Итак, – продолжил Смурной. – Отныне все вы – собственность государства! И оно будет распоряжаться вами по своему усмотрению – как только сочтет нужным! Скажет в

бой – пойдете в бой! Скажет сосать друг у друга – будете сосать!

Все удрученно молчали, не сводя взглядов с распростертого перед ними мертвого тела.

– Вижу, мы пришли к взаимопониманию, – полковник осклабился, изобразив, по всей видимости, благодушие. – Итак, ваша команда укомплектована. Даю вам двое суток на то, чтобы отойти от гражданской жизни. По прошествии этого времени все вы будете направлены в зону Уникальной Вооруженной Акции, где будете защищать интересы Московской Империи. Пока вы тут приходите в себя, мы снабдим вас необходимой литературой – из брошюр вы узнаете, как пользоваться оружием и вести себя на поле боя.

– А само оружие, конечно, не дадите, да? – вновь ехидно спросил тот самый мужичок, что бравировал в самом начале.

Полковник вновь поморщился и скомандовал:

– Этого – увести!

В тот же момент двое бойцов отконвоировали говоруна за двери. Потом в помещении появились люди в робах с носилками – они сноровисто погрузили труп и вынесли его.

Смурной с презрением взглянул на месиво из крови и мозгов, растекшееся по полу и негромко заметил:

– Сами тут затрете ..., – потом он повысил голос. – Всем внимательно слушать объявления по громкой связи! О мероприятиях будет сообщено дополнительно!

Напоследок в казарме нарисовалась потасканная девица

не первой свежести в камуфлированной мини-юбке и кителе. Она, кокетливо отключив худую задницу, катила перед собой тележку, в которой лежали кипы агитационных материалов. Потом все ушли, а двери захлопнулись.

Негромко переговариваясь между собой, мобилизованные понуро разошлись по своим местам. Мы с Лехой без слов выпили, словно за упокой собственных душ. Потом мой новый друг, ни слова не говоря, поднялся с места и направился в сторону двери, где через окошко завел разговор с вертухаем. Вернулся он через несколько минут с еще двумя бутылками «Империи».

– Вот, решил зацепить еще на всякий случай. Впрок, так сказать, – пояснил он, убирая алкоголь под койку. – Стопудово, лавочка скоро закроется. Слышал – главный двое суток дал? Сомневаюсь, что по прошествии этого срока, им тут будут нужны пьяные тела.

Настала моя очередь снисходительно улыбнуться.

– Ты думаешь, что им при дислокации нужны адекватные люди? Скорее всего, наоборот – бухлом на дорогу снабдят, чтоб транспортировка без сучка и задоринки прошла. В жопу бухие и распевające патриотические песни – именно такими они видят бойцов великой армии!

Леха в ответ пожал плечами.

– Поживем – увидим.

Молодой парень с татуировками деловито развозил меж рядами коек агитационную литературу. Интересы ради, я за-

цепил пару брошюр, одну из которых протянул товарищу. На обложке красовался бравый военный в камуфляже и «разгрузке», набитой автоматными рожками, ножами и рациями. Шеврон с воющим волком. Опять те же вездесущие буквы «UR». Я поинтересовался у Лехи – что они могут обозначать.

– Да хер его знает, – скривился он в ответ. – Эта шняга с фронта пошла, а уж здесь этими буквами пользуются кто как хочет. Главное – символизм!

Алексей потряс вытянутым указательным пальцем. Я рассеянно кивнул в ответ и на пару минут погрузился в брошюру. Там, с чувством, с толком и расстановкой было подробно расписано устройство автомата Кокошникова различных модификаций и уход за ним. Про себя я невольно восхитился программе подготовки молодых бойцов, это ж надо – изучать военное дело по вот этим вот комиксам! А говорливый правильно заметил – на данном этапе хер нам кто оружие в руки даст. При таких раскладах недолго бы тут музыка играла ...

В тонюсенькой книжке было еще что-то про тактические передвижения и то, как нужно вести себя в определенных ситуациях. Оказание первой медицинской помощи, устройство противогаза. А потом, я не поверил своим глазам – строевая подготовка! Зашибись!

Я отшвырнул брошюру в сторону, а потом подхватил с пола бутыль и сделал продолжительный глоток. Леха последо-

вал моему примеру, и я заметил, что он уже заметно пьян. Чего никак нельзя было сказать обо мне – я еще только «разогревался». Ну, так – сенс, как-никак! Марку держу ...

Пьяного Леху пробило на разговоры – около часа он рассказывал мне свою историю. Ничего необычного и незаурядного – ничем не примечательный путь рядового труди. Детсад, школа, профтехучилище, завод, где Леха трудился до вчерашнего дня. Семья, сын. В прежнем мире и у меня была практически такая же жизнь, вот только детей бог не дал. А может и к лучшему, что не дал ...

Единственное, что отличало Леху от миллионов сограждан – это способность видеть. Как он рассказал – ничего сверхъестественного в этом не было. Просто он с детских лет чувствовал фальшь. До отторжения, до рвотных позывов. Все эти пафосные песни в детсаде, где мировоззрение зомби надевали ребенку на голову практически с рождения. Хождения строем в школе. Официальные молодежные организации, вступление в которые даже не обсуждалось. Идеологические постулаты, которые практически насильно, с монотонностью капающей с потолка воды, вбивались в сознание молодого труди откуда только можно. В конце концов, Леху начало тошнить от всего этого – в прямом смысле! После двух подобных инцидентов, произошедших на уроке патриотического воспитания, были вызваны в школу родители.

Глава 2

На тот момент грандиозная кампания по внедрению визоров еще только начиналась, поэтому повсеместных проверок не было. Но, как Леха мне уже рассказывал, у отца был друг-полицейский. И тут-то все и выяснилось. Хорошо, что друг оказался на самом деле другом! После этого жизнь Алексея начала чем-то напоминать историю агента под прикрытием. И лишь это могло хоть как-то сгладить тошнотворные ощущения от окружающей его действительности. Он чувствовал себя особенным и пытался хоть как-то это реализовать. Нет, не в плане революционной деятельности! Слава богу, для этого у него не нашлось единомышленников, иначе он бы давно уже не жил на этом свете ...

Молодой Леха пытался как-то реализовать свои порывы – он писал стихи, сочинял музыку, но ... В один прекрасный момент ему довольно недвусмысленно намекнули на то, что свои порывы он может засунуть себе в известное место, если не хочет оказаться в местах не столь отдаленных. Пришлось Лехе и на этой стезе пойти на сделку с самим собой. Он пытался искать себя в спорте, потом – в делах семейных. Но, все это не могло компенсировать ему необходимость ежеминутно купаться в океане лжи и продолжать с этим мириться.

И, так как алкоголь стал его верным спутником еще с детских лет, то Алексею, по сути, не оставалось ничего иного,

кроме как ... Я, можно сказать – с состраданием взглянул на него, недоумевая – как ему удалось вообще выжить! Не спиться, не угодить в «дурку», да и вообще – не опустить руки ... Одно слово – личность героическая!

– А ты? – тихо спросил Леха и почему-то заметно смутился.

– Я? – я озадаченно почесал затылок, соображая – что ему ответить.

А действительно? Пытаться рассказать о том, что со мной действительно произошло – все равно, что пересказывать благодарному слушателю содержание увлекательного и напичканного спецэффектами блокбастера. Не поверит, скорее всего ... Да и не хотел я, если честно, доверяться мало-знакомому человеку. Как говорят – «был подозрительным от природы».

Поэтому, я многозначительно взмахнул рукой и ответил:

– Я? Да что там рассказывать, Леха! Практически один-в один с твоей историей! Разница лишь в том, что всю свою жизнь я прожил в глухомани. У вас тут – другой размах! Поэтому и решил, наконец, податься в столицу. И, как видишь, неудачно ...

Я многозначительно умолк. Леха немедленно поддержал меня – он пьяно икнул и сочувственно кивнул.

– Это – точно! Я вообще не понимаю – как вы там живете, в этом захолустье! Бывал пару раз – хватило, чтоб больше туда не соваться. Мрак, жуть и безысходность ... Если уж не

здесь, то там бы я точно спился в корягу ... Ик ... Андрюха, я это ... Пожалуй, подремлю ...

И, даже не дождавшись ответа, Леха откинулся на койку и мгновенно захрапел.

– Давай-давай, – пожелал я ему.

После этого я поднялся с кровати и решил пройтись. Мочин, так сказать, да заодно и до туалета прошвырнуться. Пока я брел по казарме до двери, из-за которой исходил весьма характерный запах, то на душе у меня становилось все тоскливее. Грандиозная пьянка достигла, судя по всему, апофеоза. Пол был во многих местах заблеван. В одной из подобных луж боролись двое мужиков, чем-то вызвав ассоциации с борьбой голых девиц в грязи. Тут же орали какую-то патриотическую и жутко шовинистическую песню под аккомпанемент непонятно где взятой гитары. Я ловко увернулся от летевшего прямо на меня мужика лет пятидесяти с зажатым в кулаке стельником.

– Ща, еще возьмем! – прохрипел он и, сшибая все на своем пути, ринулся к заветному окошечку на двери.

Я задумчиво посмотрел ему вслед и решил, что пить все-таки вредно.

После посещения туалета настроение мое не улучшилось. Мало того, что на время посещения мне пришлось задержать дыхание, так еще и ботинок в луже испачкал. Я тщательно вытирал подошву о пол, когда неожиданно мне прямо между лопаток «прилетел» короткий, но одновременно мощный

импульс сенсорики. Я замер ...

Вот чего я точно не ожидал, так этого! Главным образом потому, что никак не ожидал встретить здесь представителей так называемой «элиты». Ранг не тот, чтобы на начальных этапах мобилизации идти на фронт. Ну, только если в рамках пиар-компании. Поэтому я растерялся на пару мгновений. А потом медленно обернулся и принялся прочесывать взглядом разухабистую пьяную толпу ...

Вскоре я нашел его. Молодой мужчина, лет тридцати, стоял, облокотившись на стену и с нагловатой улыбкой пялился на меня. Я вопросительно вскинул брови – «Чего, мол?» Сенс лениво оттолкнулся от стены и развязно направился в мою сторону. Скажу честно – никого видеть из моей родной касты у меня желания не было. Как я понял из посещения Сенсодвора, численность сенсов в Москве была не столь велика – пара-тройка сотен, не более. Исходя из этого, шанс быть опознанным был для меня очень высок. А это – не есть хорошо! Могут, при желании, и сдать ...

Я стоял, глядя на приближающегося шатена с огромными и выразительными карими глазами. Женщины, вероятно, посчитали бы их красивыми. Для меня же они не несли своим выражением ничего, кроме непомерной спеси существа, оказавшегося в среде плебеев. Впрочем, глаза и были его характерной особенностью, и ничего, собственно, более – маленький невыразительный рот и оттопыренные уши практически без мочек. Все это в сочетании с бритой наголо го-

ловой вызывало комичные ощущения. «Сенс, исполненный очей ...» Тем не менее, в высокомерии ему было не отказать ...

– Хай! – он в отдающем жеманностью жесте приветственно поднял руку с длинными и тонкими пальцами. – Чьих будешь?

– Своих собственных, – не раздумывая ответил я, гадая – узнал он меня или нет.

Неожиданно спеси в его взгляде заметно поубавилось – видимо, мой невозмутимый ответ поставил его на место.

– Альберт, – неожиданно протянул он мне руку. – Альберт Нэцке ...

– Андрюха Коротков, – уверенно отреагировал я, решив блефовать до конца, и пожал его холодную, чуть влажную ладонь.

К моему великому облегчению, он принял это мое имя. А мгновение спустя смущенно опустил вниз ресницы.

– Я ... Это ... Можно сказать, изгой ..., – неожиданно он справился со своей робостью и с вызовом взглянул на меня. – Моя семья несколько лет назад была изгнана из Круга. А теперь вот, нас реабилитировали ...

Я запоздало произвел его идентификацию – прикрыл веки и немедленно узрел перед собой образ, соответствующий сенсу – оранжевый силуэт. Только вот, непонятно – он-то каким образом здесь оказался? О чем я и не замедлил его спросить:

– Альберт, ты-то здесь что делаешь? Неужели мобилизация касается нашего круга?

Он вновь смутился, на этот раз так, что по щекам пошли малиновые пятна.

– Я ..., – он нервно мял в ладони полу своего камуфляжа. – Эти ... Животные ... Они даже не стали смотреть мои документы, а попросту швырнули меня в кузов машины! И сколько бы я ни пытался им втолковать – всем было абсолютно насрать на меня! А ты?!

Он с надеждой воззрился на меня. Видимо решил, что совместными усилиями мы сможем восстановить свою поруганную честь, а именно – откосить от мобилизации. Этого мне еще только не хватало ...

Я немедленно ухватил его за рукав камуфлированной куртки и оттащил к стене.

– У меня – та же история! – дыхнул я на него перегаром, от чего Альберт смешно сморщился. – И, как я понял, доказывать что-то нам совершенно не с руки! Полицейская и военная бюрократические машины ой как не любят признавать собственные ошибки. И советую больше не орать о том, кем ты на самом деле являешься. Ты, наверное, догадываешься – как именно труди относятся к привилегированному классу? Ну, вот. Отсюда вывод – сиди ниже травы и тише воды! И нам лучше сделать вид, что мы не знакомы – так меньше вероятности быть раскрытыми ...

– Но, послушай! – Альберт судорожно схватил меня за

рукав. — Я слышал, что нас — сенсов, отправляют в другие подразделения, в элиту! Аналитика, стратегический отдел и прочее ...

Я на миг замер. Вот как, оказывается? Впрочем, для меня это ровным счетом ничего не меняло. Я как был здесь инкогнито, таким и предпочитал оставаться.

— Забудь, — прошипел я. — Если хочешь выжить в этом аду — забудь. И про меня — тоже ...

Я жестко взглянул в его глаза и, богом клянусь, увидел в них подступившие слезы. Тонкие губы Альберта тряслись ... На какое-то короткое мгновение мне даже стало жаль его, но ... Ничего поделать с собой я не мог — он мне не понравился сразу. Жеманный, высокомерный и, судя по всему, до безобразия трусливый. Вон как его колбасит!

— Все понял? — сдвинул я брови.

— Д-да, — пролепетал он, обреченно отвернувшись и побрел на свое место.

Я с неприязнью взглянул ему в след. Униженный и оскорбленный, мля ... Да и хрен с ним — лишь бы хлопот не принес! В груди что-то кольнуло ... Нехорошее какое-то предчувствие ...

«Да похер!» — рявкнул я сам на себя, круто развернулся и зашагал в свой угол.

Я еще не дошел до своей койки, как двери в казарму распахнулись. Два дюжих молодца с широкими улыбками, словно играясь, закинули в помещение завернутый в камуфляж

... Кусок мяса – иначе это было не назвать! Я присмотрелся и опознал в нем того самого мужика, что забирали на «беседу» добры молодцы Смурного. Ипать, как они его ...

Сердобольные соседи Говорливого немедленно подхватили собрата под руки и утащили на кровать, где заботливо поднесли к разбитым губам бедолаги бутылъ «Империи». «О времена, о нравы!» В сердцах сплюнув на пол, я плюхнулся на свою койку и в бессильной злобе сомкнул веки. Спокойствие, только спокойствие ...

Наверное, я задремал, по крайней мере – на какое-то время смог отстраниться от реальности ...

Но, ничто не вечно под луной – от очередного пронзительного визга сирены меня аж подбросило на кровати. Опять противно заныли зубы, так что я даже испугался – не дай бог, и вправду кариес!

– Да какого хера-то?! – возмущенно простонал Леха и поднял голову.

Вновь ожили динамики под потолком.

– Граждане мобилизованные! Прослушайте важное сообщение! Через пять минут в распоряжение команды будет доставлен ужин. Убедительная просьба – не препятствовать работникам военкомата и находиться во время раздачи на своих местах! После приема пищи будет организован просмотр обращения Императора Московской Империи, Вельзева Романовского, к нации! По окончании – показ художественного фильма «Все для фронта». Повторяю ...

После повтора сообщения двери распахнулись. Два автоматчика заняли свои места у входа, в то время как несколько рабочих вкатили в помещение тележки с бачками и стопками алюминиевых мисок. Шедшие рядом поварихи разливали сомнительно пахнувшее пойло в тару и подавали его призывникам.

Наконец, дошла очередь и до нас – мы с Лехой получили по миске местной баланды. Я заглянул в тарелку, лениво пошевелил содержимое ложкой – крупные дольки картофеля, лука, какая-то крупа и практически незаметные волокна мяса. Ну, что ж, ладно хоть вообще что-то дали ...

На удивление, ужин оказался вполне себе приемлемым, поэтому я уже через минуту подал пустую тарелку рабочему, собиравшему грязную посуду. Леха тоже давился, но исправно уничтожал ужин, понимая – что альтернативы не будет.

Когда прием пищи был окончен, работники призывного пункта, собрав посуду, удалились. В зале погас свет, а на потолке разверзлась ниша, откуда выдвинулся проектор. Мощные лучи ударили в противоположную стену, послужившую вполне себе неплохим экраном.

Далее последовали гимн и аплодисменты, после которых на трибуну взошел сам Вельзев Романовский. Я с неприязнью вновь отметил характерные детали его одеяния – высокие каблуки, пиджак не по размеру, под которым наверняка был бронежилет. Вдохновленное блиноподобное лицо императора лоснилось так, что даже играло бликами в лучах со-

фитов.

На каком-то ракурсе я сумел заметить тот самый волшебный защитный круг в стиле «Хома Брут» и невольно поразился – вот нахрена ему сейчас-то все эти меры предосторожности? Ведь он же не где-то «на людях», а в родных пенатах.

– Вот гандон, – тихо произнес Леха. – Ты только посмотри на него – он уже ссыт даже своего окружения! Скоро на танке выезжать к трибуне начнет. Хотя, на его месте я бы тоже наверное опасался. Всенародная любовь – страшная штука!

Леха тихо рассмеялся, но на него тут же зашикали соседи по казарме. Я с изумлением взглянул на них – призывники на самом деле были увлечены происходящим на экране. Затаив дыхание, труди во всю ширину своих глаз наблюдали за вождем, именно благодаря стараниям которого они и были направлены на грядущую бойню. Мне даже как-то неуютно стало находиться поблизости от подобных фанатиков. Еще придушат ночью в припадке патриотизма ...

Вволю откашлявшись и прокряхтевшись, престарелый диктатор обратился к собравшимся по ту сторону экрана. Его речь была долгой и цветистой, и нужно отдать ему должное – язык у него был подвешен превосходно. Что было вполне ожидаемо, он пытался обвинить весь цивилизованный мир во всех смертных грехах, пытаясь свести все к единственному возможному выводу – его заставили развязать эту войну. Не знаю как остальным, но мне было отчетливо видно

– старый брехливый пес оправдывается! Тут было над чем задуматься ...

Хотя, по идее все было логично до безобразия. Возомнив себя Пупом планеты, дряхлый диктатор рассчитывал на один сокрушительный удар, который бросит к его трясущимся ногам новые территории. На деле все вышло с точностью до наоборот. Мир консолидировался и объединился против откровенного беспредела. И Романовский, судя по всему, вместе со своей непобедимой армией огреб по-полной! Иначе, зачем все это – всеобщая мобилизация, возгонка шовинизма и прочее?

После этого император долго и нудно рассказывал о том, что в Московской Империи все, как никогда, «цветет и пахнет». От его слов веяло такой неприкрытой ложью, что Ле-ха не выдержал – свесившись с койки, парень вывалил свой ужин на пол. Вот так ...

Под конец, когда Романовский вновь вернулся к теме войны, внутри у меня все похолодело. Он начал что-то плести о небывалом самопожертвовании имперцев, как отличительной черте нации. Рассказывал о многочисленных примерах, когда воины отдавали свои жизни за Отечество. Ясно было одно – ему потребовались жизни сограждан в невероятных количествах. Я припомнил то, что происходило в реальности, и понял – все сходится. Диктатор набирал мясо для мясорубки!

Под конец своего выступления Вельзев, войдя в раж, вы-

крикнул несколько лозунгов, поклонился и был таков ...

На пару минут в казарме зажегся свет. Видимо, готовили к трансляции фильм. Я осмотрелся – пьяные мобилизаны были исполнены самых светлых чувств! Это было дико, но пламенная речь диктатора вдохновила эти организмы! Они грязно поносили жителей Миянмы, обещая уничтожить каждого кто встанет у них на пути! И, что было самым невероятным, одновременно с этим они утверждали, что являются освободителями этого самого народа! И принесут на новые земли мир и процветание. Подобным же образом Романовский доказывал что он ведет эту священную войну чтобы ... закончить войну! «Палата номер шесть», как она есть ...

Потом свет погас, а на экране замерцали кадры черно-белого старого фильма о том, как во время Восточной войны имперцы храбро противостояли оккупантам из Джайпана, вторгшегося на территорию московской Империи. Судя по всему, руководством страны была поставлена задача – «напаять сову на глобус» и провести железобетонные параллели между канувшей в историю войной освободительной и нынешней – захватнической имени Романовского. Ай, красавец! Чудовищность этой неприкрытой лжи потрясла до глубины души ... Но больше этого пугало другое – сидящие со мной в одном помещении зомби во все это свято верили ...

Я скосил взор на своего товарища, и искра эмпатии залила теплом все мое существо. Хоть кто-то меня тут способен по-

нять. Леха, казалось, прочитал мои мысли – он жалко улыбнулся мне, после чего его вновь стошнило ...

По окончании фильма в казарме погасили свет. Стало быть – команда «Отбой»? Мы с Лехой уговорили еще по дозе «Империи» и, пожелав друг другу спокойной ночи, заскрипели сетками, пытаясь найти удобное положение для сна. Но, уснуть оказалось не так-то просто ... Подождав, пока глаза не привыкли к темноте, соседи преспокойно продолжили бухать во славу Великой Империи. Оно бы и плевать, но контекст негромких разговоров убивал во мне всяческую веру в человечество...

Первым делом, естественно, беседы сводились к довольствию, а проще – к денежному обеспечению. Не имело значения – мобилизованный ты или доброволец – платить солдату Империи обещали исправно и обильно. Разумеется, на словах-то отчего бы не платить! Романовским был обещан размер оплаты, вдвое превышающий средний по стране. Так как уровень безработицы в последние месяцы неуклонно повышался, то многие труди были весьма обеспокоены своей возможностью и далее осуществлять регулярные платежи по кредитам и ипотекам. А многих уже, как говорится, взяли за жопу представители службы судебных приставов.

Как оказалось, в казарме присутствовали не только собранные по отделениям полиции кадры, но и обычные граждане Империи – добровольцы и мобилизованные. Многих на фронт погнала надежда хоть как-то выбраться из уду-

шающих долгов – эти бедолаги и в самом деле решили поправить свое финансовое положение за счет захватнической войны. Кто-то шепотом упоминал о возможности подмародерить на уже оккупированных территориях. «Ачотакова?! Война – имею право!» Для своей совести (если она и была) у них была железобетонная «отмаза» – идем защищать Родину, а если кто-то с этим не согласен – тот агент спецслужб сенсов-ренегатов. Я скрипнул зубами – что ни говори, удобная позиция.

И эти существа на самом деле строили грандиозные планы о том, как счастливо они заживут, вернувшись с войны. От перспектив кружилась голова – обеспеченность на всю жизнь, почет, льготы и прочие блага, обещанные им Романовским с голубого экрана. Они, как дети, упорно старались мысленно перешагнуть этап, собственно, самой войны, даже не задумываясь – а что там, на фронте ... Я сомневался в том, что в плане какой-то военной подготовки эти «освободители» хоть что-то из себя представляли. Пусть, у некоторых, возможно, и был какой-то боевой опыт, но большинство знали о боевых действиях лишь по отечественным фильмам и сериалам. Вот, взять хотя бы меня – какой нахрен из меня боец, хоть когда-то я и служил в армии? Ну, ползал на плацу, изучал строевую. Даже пару раз возили на стрельбище. Когда-то весьма неплохо собирал-разбирал автомат. Дай мне сейчас этот автомат – я и не вспомню, что и где у него расположено, кроме спускового крючка. Ну, или приклада ... На

этом – все! И где гарантия того, что в бою я стану героем, а не обузой для профессиональных военных?

Я вновь покачал головой, выслушивая бред очередного «спикера» о том, как «один его знакомый» недавно вернулся с войны и живет теперь «в шоколаде». Правда, в конце своего монолога парень упомянул о том, что у героя отсутствуют обе нижние конечности. Но он тут же вернулся на мажорный лад, сгладив неловкость момента заверением о том, что семью его обеспечивают всем необходимым – продуктовыми наборами, путевками в профилактории и прочим ...

Осознавая чудовищную степень деградации этих организмов, я тихонько застонал. Вот как тут уснуть?! Я решительно поднялся, взял из пачки сигарету и отправился в сторону курилки, пытаясь абстрагироваться от захлебнувшегося казарму маляра.

На входе в курилку я щелкнул зажигалкой и втянул в себя ароматный дым. Хотя что-то приятное ...

Мимолетная эйфория была немедленно прервана сдавленными стонами, раздавшимися из тускло освещенного прокуренного помещения.

– Даувай-даувай! – повелительно прервал стонания грубый приглушенный окрик. – Деувачку не строй из себя, да ...

Я нервно затаился и вошел вглубь курилки. В клубах сигаретного дыма тут же разглядел двоих мужчин в углу – они стояли спинами ко мне. На звук моих шагов «курильщики» обернулись, открыв обзор к стоящему перед ними на коле-

нях парню. Я прищурился ... Точно, это был тот самый Альберт! Лицо недоделанного сенса было заревано и носило на себе оттенок трагизма. С этим – все ясно. Я перевел взгляд на обидчиков Альберта.

Явно не местные. В акцентах, диалектах и прочих языковых особенностях этого мира я пока что не разбирался, но парни были явно не уроженцами Москвы. У того, что покрупнее были расстегнуты штаны, а второй, по всей видимости, стоял вторым на очереди ...

– Че тут за херня происходит? – с неприязнью «воткнул» я взор исподлобья в того, что покрупнее.

– Ты давай – мима иды, да! – он красноречиво повел в воздухе рукой.

Его низкорослый собрат нервно хихикнул и с вызовом взглянул на меня из-под густых бровей.

– Нахер дернули отсюда, извращенцы! – я повысил голос. – Оба! Сука, покурить спокойно нельзя ...

Глава 3

«Крупный» раздосадовано застегнул свои потертые камуфляжные портки и направился в мою сторону.

– Э-э, ты чеуво такой? – раздраженно прохрипел он. – Сам себе проблемы находишь ...

По тому, как он двигался, я сразу определил – не боец. Скорее всего, всю свою жизнь весьма умело оперировал гнилыми понтами, сомнительным авторитетом и угрожающим тоном. Он красноречиво потер ладони. Его кулаки не сказали мне о нем ничего нового – они были мягкие и пухловатые, как у дородной женщины.

Я молчал, ожидая столкновения. С сожалением взглянул на недокуренную сигарету и отбросил чинарик в сторону. На подходе дегенерат резко подался вперед всем телом, пробуя взять меня на испуг. Я мгновенно отреагировал, но совсем не так как он рассчитывал ... Пригнув колени, я метнулся вперед и провел молниеносный прямой правой по корпусу, воткнув кулак в обвисший живот неприятеля. Вышло весьма эффектно – амбал подавился воздухом, испустил от неожиданности газы из задницы и согнулся, открыв рот. Проходя мимо него, я от души врезал ему ребром ладони под основание черепа и тут же пожалел об этом – неподготовленная «лапка» специалиста по БСБ немедленно отозвалась резкой болью. Тем не менее, мой недруг мягко рухнул уже за моей

спиной, воткнувшись лбом в кафельный пол.

Собрат поверженного насильника, глядя на его обмякшее тело, как-то сразу растерял весь свой боевой задор – он съежился, словно старался казаться меньше и предупредительно выставил перед собой раскрытые ладони ...

– А я ..., – торопливо лепетал он. – Я ... не ... Я ...

– Ты! – я ткнул в него пальцем. – Подбирай своего друга и убывай! И чтоб не попадались мне на глаза оба – головы поотрываю!

– Да-да-да, – часто закивал он, словно змея, обогнул меня и устремился к своему товарищу.

«Крупный» к этому моменту уже вяло зашевелился, возвращаясь из «нирваны». Окинув своего друга мутным взором, он мгновенно провел операцию «Вспомнить все» и позволил собрату увести себя восвояси. Но, напоследок сумел злобно ощериться в мою сторону и что-то произнес себе под нос, явно – на своем родном наречии.

Потирая ушибленную руку, я шагнул к Альберту. «Черт, так не годится! Раз уж пока что доступ к БСБ для меня закрыт, нужно заняться подготовкой своих кулаков», – подумалось мне. – «Процесс, конечно, небыстрый, но оно того стоит, если я не хочу остаться инвалидом! Дури в организме Арти много, а вот кулаки неподготовлены. Так и до перелома недалеко ...»

Недоделанный сенс так и стоял на коленях, размазывая по щекам слезы. Тьфу ...

– Так и будешь стоять? – с неприязнью спросил я.

Альберт словно опомнился и проворно вскочил на ноги. Он боязливо выглядывал из-за моего плеча в сторону входа в курилку.

– Ушли ..., – с облегчением произнес он себе под нос.

– Ты какого вытворяешь? – недружелюбно спросил я. – Ты же, мать твою, сенс! Сделать ничего не мог?!

Альберт растерянно взглянул на меня, а потом стыдливо опустил взгляд.

– Я ..., – он шаркнул перед собой ножкой. – Мои возможности ... Не позволяют противостоять ... Я ...слаб ...

Ну, ё-моё! Недоразумение, а не сенс! Меж лопаток мне, значит, импульс припечатать смог, а тут – обделался?! Скорее всего, банально ссыт!

– Короче ..., – я сплюнул на пол и растер плевков. – Еще раз на колени встанешь – не впишусь за тебя ...

Я развернулся и пошел к выходу, жалея, что не прихватил с собой всю пачку сигарет.

– Андрей ..., – робко позвал он сзади. – А можно ... Можно я к вам переберусь поближе? А то эти ...

– Коек свободных нет ..., – отрезал я.

И до того мне противно стало ... Мнил тут из себя принца датского среди холопов, а чуть прижали – опустился ниже плинтуса и даже рыпнуться не попробовал. По сути, я и впрягся-то за него чисто на автомате – ну, не люблю когда в моем присутствии такая хрень происходит. А этот ... сенс,

мля, не поблагодарил даже ...

Я вернулся на свою койку, завалился и вновь попытался уснуть. В секторе справа от меня все так же размеренно продолжали бухать, уже заранее подсчитывая заработанные деньги по окончании контракта. Исполненное перспектив, пушечное мясо, бя ... Вот и не хочется, но назовешь!

Еще около часа я ворочался, но так и не смог заснуть. Вполне возможно, виной тому были пьяные разговоры недалеких соседей. Я подумал, что еще немного – и меня начнет, как Леху, выворачивать от этих обывательских бесед. Впрочем, как оказалось, это было и к лучшему ...

Вскоре в нашем направлении послышались шаги и многоголосые переговоры шепотом. Явно – не на московском языке ...

– Гыде?! – раздраженно прошипел кто-то.

– Вон ... там ... , – несмотря на сдавленный тон, я немедленно узнал фальцет Альберта.

Головоломка сложилась в моем сознании немедленно. Клятогосенса вновь прижали к ногтю соседи с уязвленным самолюбием, взяли за ухо и заставили указать мое местопребывание. Ну, а он же у нас не смог отказать! Он же у нас «слаб» и «не может противостоять»! Сука ...

Глаза уже давно привыкли к темноте, поэтому я приподнялся на локтях и уставился в тревожное нутро сумрака. Человек восемь-десять, не меньше ... Чуть в стороне я безошибочно распознал хрупкий силуэт Альберта – он вытянутым

пальцем указывал в мою сторону.

Так ... Адреналин мощной волной окатил мой организм. Стало быть, горячая кровь гостей столицы не смогла снести нанесенного ей оскорбления? И, стало быть, обиду можно смыть только кровью нанесшего ее?! Причем, в процессе должно участвовать не менее десяти человек, да? Сука, как же все это предсказуемо ...

Сразу трое на цыпочках устремились к моей койке. Остальные замерли в позе «на подхвате». В груди гулко ухало сердце ... Толкнуть Леху? Не ... Пока глаза продирает с перепою, только помехой станет. Я попытался выбросить из головы все мысли и сосредоточиться непосредственно на происходящем ...

Двое зашли в проход между коек со стороны моих ног, один – со спины. Сейчас крайние зафиксируют меня, а центральной атакует непосредственно. Ладно ...

– Иатхунмтаа ..., – прошипел тот самый, что огреб от меня в курилке, и навис надо мной.

– Да ни хуя не иатхун! – жестко произнес я и «выстрелил» ему пяткой в центр груди.

Он надрывно засипел и повалился на стоящего позади него. Я мгновенно вскочил, обернулся и в развороте воткнул кулак правой в область головы того, кто нападал сзади. Получилось не очень удачно – в суматохе я лишь мазнул его по скуле и невольно навалился на него всем телом. И, сука, он не растерялся – что было сил, заключил меня в весьма ощу-

тимый захват и сдавил со всей дури.

Сил парню было не занимать, поэтому у меня на миг перехватило дыхание. Будучи заметно ниже меня, он уперся подбородком мне в грудь и даже, гад, попытался укусить! В лучших традициях вольной борьбы, противник хотел повалить меня набок, но в этом ему помешала верхняя койка – я уперся в нее плечом. С упорством вцепившегося бультерьера, он отчаянно пытался лишить меня равновесия и таки завалить на пол. Если ему это удастся – пиши пропало. Как же я всю свою жизнь ненавидел ухватки борцов! Было в этом что-то приземистое и нечистое ... То ли дело – эффектный рукопашный бой в полный контакт!

Недоумеваю, почему на меня никто не нападает сзади, я таки исхитрился занести локоть и от души врезал оппоненту сверху по черепу. Его объятья заметно ослабли, видимо – словил некую прострацию. Я поспешил закрепить успех, схватил его за уши и наконец-то смог оторвать от себя. Не отпуская ушей, я от души врезал неприятелю коленом в лицо, после чего уже практически безвольную тушку шмякнул виском о кровать. Один есть ...

Исполненный недоумения, я обернулся, а там ... В пылу схватки я даже не обратил внимания на возню за моей спиной, а сейчас ... Там была куча-мала. Судя по всему, весь остаток «ударной группы» отвлек на себя кто-то другой. Впотьмах было плохо видно, поэтому я взглянул на койку Лехи – там было пусто! Ясно! И уже в следующее мгновение

я заметил его – Алексей в прыжке с разворота «срубил» одного из противников, угодив ему пяткой аккуратно в нижнюю челюсть. Красиво!

Уронив одного, Леха принял на себя атаку сразу троих и был буквально погребен под их ударами. Совсем как Фарс тогда ...

Не теряя ни секунды, я устремился на помощь и отвлек на себя внимание здоровяка в не по размеру маленьком камуфляже – тот заметно сковывал его движения, поэтому я без особых проблем «качнул маятник» вправо и почти одновременно отвесил ему шикарный хук слева. Тот поплыл и со стоном ухватился за стену. Так, еще один ...

В этот момент меня кто-то увесисто «нахлобучил» сзади по затылку. Я на миг потерялся, мгновенно присел и уже в положении партера развернулся ... Подсек колено противника, уронил его и мгновенно поднялся, добив его прямым правым.

В этот момент один из противников Лехи вырвался из мясорубки и заверещал:

– Арухуб кнут!!!

– Тойтура-аа! – откликнулись издали, и уже в следующие мгновения казарма наполнилась топотом множества ног.

Ясно – подключилась целая диаспора. Вот что мне нравится в приезжих, так это чувство коллективизма! Не то что ...

– Эй, Москва! – звонко воскликнул я. – Подъем! Наших бьют!!!

Нужно отдать землякам должное – на ноги вскочили сразу три человека! Причем, изрядно пьяных. В то время как к месту битвы приближалась уже целая толпа. Леха добил ударом ноги шатавшегося тощего «добровольца» с длинными гротескными усами и невесело улыбнулся мне:

– Пиздец, по ходу, нам ...

Впятером мы выстроились в шеренгу – лицом к надвигавшейся ватаге неприятелей. Я осмотрелся в надежде найти хоть какое-нибудь подручное подобие оружия, но ... В этот момент взгляд мой наткнулся на Альберта – как-то по-крысиномуэта трусливая тварь едва ли не на карачках улепетывала в сторону туалета. «Там тебе отныне и место!», скрипнув зубами, подумал я.

– Собрались! – воскликнул Леха и красноречиво хрустнул суставами шеи.

Наша отчаянная пятерка камикадзе выстроилась клином навстречу орде противника ...

Наверное, наш славный боевой путь так и закончился бы на призывном пункте Москвы, но в этот роковой момент кто-то включил в казарме свет. И почти в тот же момент эфир вспороли сразу несколько автоматных очередей, по всей видимости – произведенных в потолок. Все присутствующие «гладиаторы» немедленно застыли на своих местах в позе «замри» ... Прямо первый этап «Игры в кальмара»!

Словно в подтверждение этой мимолетной ассоциации, раздались несколько, на этот раз – прицельных, выстрелов. Пять или шесть человек с противоположной стороны рухнули, как подкошенные.

Мы зачарованно осмотрелись, гадая – с чего это нам оказали такую поддержку? Но, по ходу это не нам, а так – для наведения порядка в расположении. К этому моменту периметр помещения был оцеплен бойцами в амуниции и с изготовленными к стрельбе автоматами. На какое-то время в казарме повисла зловещая тишина. Но, ее уже через пару секунд разорвал вопль мегафона:

– Всему контингенту немедленно лечь на пол! Все кто не ляжет – будут ликвидированы!

Для эффекта восприятия эти слова были немедленно подкреплены еще одной автоматной очередью – короткой, в потолок. Ну, куда уж тут попрешь против таких убойных аргументов! Естественно, все присутствующие немедленно рухнули на пол. Кроме, разумеется, тех, кого вся эта сумасшедшая канитель даже не побеспокоила – несколько пьяных вдрабадан туловищ продолжали преспокойно посапывать на койках. Впрочем, статус-кво был немедленно восстановлен – вертухаи грубо скидывали неадекватов со спальных мест. Особо непонятливых били ногами, после чего они разумно затихали.

Когда, наконец, суэта стихла, Смурной (а это несомненно был он) вновь прибегнул к помощи мегафона.

– Я вижу, не все еще до конца поняли – куда и зачем они попали! – это было поразительно, но я уловил в голосе полковника неприкрытый сарказм – словно он от души наслаждался происходящим. – Так вот ... Для особо непонятливых повторяю – гражданская жизнь окончена. Вы здесь не в детском лагере отдыха. Вы – на войне! Со всеми вытекающими! Адвокаты, юридическая поддержка, общественные правозащитные организации – забудьте обо всем этом! Отныне все вы – солдаты Великой армии Московской Империи. И по законам военного времени должны безоговорочно выполнять приказы. Невыполнение практически всегда означает смерть. Нюансы в данном случае есть, но их весьма немного. У кого-то есть вопросы по поводу того, что я только что сказал?

В казарме повисла напряженная тишина. Судя по всему, вопросов не было. Да оно и ежу понятно – если перед тобой пиздец, то, сколько ему вопросов не задавай, он так пиздецом и останется!

– Вижу – всем все понятно, – констатировал Смурной и видимо решил подсластить пилюлю. – Парни, я ж вас всех прекрасно понимаю! Оторвали от дома, от жен, детей ... Ну, понятно – нервы, то-сё ... Все мы люди. Именно поэтому я могу закрыть глаза на бухло и тому подобное. Одно «но» – меру знайте! И меж собой не грызитесь. Отныне все вы – одно целое! А если друг друга рвать начнете – какиенахер с вас воины?! Поляжете все в первом же бою. А вот если друг

за друга стоять будете – тут совсем другое дело!

Он еще что-то там говорил по товарищескую взаимовыручку, воинское братство и прочую пафосную чушь. Думаю, что большинство ею прониклось ... Под конец своей речи Смурной еще раз прозрачно намекнул, что алкоголь никто не запрещает, но любые конфликты между мобилизованными будут пресекаться самым жестким образом. Ну, и закончить он решил на самой оптимистичной ноте.

– Эх, ребята, – мечтательно произнес он. – Вот честное слово, завидую я вам. Кто мы – крысы тыловые! Сидим тут, занимаемся вашими сборами и начальной подготовкой ... А сейчас бы в бой – крошить нечисть ренегатовскую! Освободить земли братского народа от идолищ проклятых! Опять же, не бесплатно все это – Родина вас не забудет. Ну и, если по секрету, то ... Многие герои с войны вернулись не только с почетом, но и ... Есть там чем поживиться, в этой Миянме. Ребята, те – которые с головой, обеспеченными людьми оттуда возвращаются. А что касается миянок ... Вот где женщины, так женщины! Эх, так и рванул бы с вами вместе! Да только кто ж меня отпустит ...

И напоследок Смурной пожелал всем спокойной ночи и покинул казарму. Рабочий персонал с носилками подобрал с пола трупы, а раненых отнесли в лазарет. Провожая грустными взглядами обездвиженные и изувеченные тела, мобилизанта поднимались с пола и расходились по казарме. У наших бывлых недругов, по всей видимости, больше не возни-

кало желания продолжить «забавы молодецкие» – сбившись в кучку, они удалились в свой сектор казармы. Альберта с ними я не заметил. Видимо, до сих пор в сортире околачивался ...

Я поймал на себе задумчивый взгляд Лехи – автоматически ощупывая содранные суставы кулаков, он напряженно о чем-то размышлял. Его нижняя губа была разбита и набухла прямо на глазах. Я подмигнул ему.

– Ну, что я тебе говорил по поводу бухла?! Как есть, им будет куда спокойнее управляться с деморализованной пьяной отарой, нежели с коллективом адекватных и трезвых людей. Погоди, деньги у призывников отожмут – так начнут бесплатно раздавать. Фронтовые пятьсот грамм, епт ... Собираю я тут информацию по сети ... Судя по всему, они армию Миянмы тупо мясом закидать хотят. Еще заставят потом оружие для себя в бою добывать. Шучу, конечно, но в каждой шутке что-то есть и от правды ...

Леха прищурился, а потом неохотно кивнул, будучи вынужденным согласиться.

– Валить надо отсюда, – отрешенно произнес он. – Пока живые. Уверен, на фронте такую возможность сведут к нулю. Но ... Чем черт не шутит, там как-никак при оружии будем.

– А вот на это я бы не надеялся ..., – с сомнением покачал я головой. – Уверен, там все предусмотрели. Ты думаешь, там недовольных нет? Сто пудов – там все такие! Надетые здесь розовые очки мигом со многих слетят. И держать та-

кую толпу может только страх. Ты видишь – уже началось. Пара дней, а уже несколько трупов. Кнут и пряник, епт ... Все, давай спать ...

Продрать глаза нас заставил очередной вой сирены.

– Граждане мобилизованные! После завтрака перед вами с лекцией выступит специалист отдела по моральной подготовке Генштаба. После этого, в течение дня, с вами будут произведены дополнительные занятия по военному делу. По их окончании – медосмотр.

«Специалист по моральной подготовке» ... Сказал бы уж прямо – по промывке мозгов. Что касалось «военного дела», то ... Я обвел взглядом похмельную массу, возвращавшуюся к жизни. Какое нахрен тут военное дело?!

Леха деловито вскрыл литровую бутылку «Империи».

– Крайняя ..., – вздохнул он и протянул ее мне. – И денег больше нет ...

– Насчет этого не переживай, – я подмигнул ему и сделал продолжительный глоток. – Родина тебя не бросит, сынок!

И в своих предположениях я оказался на сто сорок процентов прав! Через пять минут, когда работники военкомата вкатили в казарму источавшие запах съестного тележки с котлами, я заметил на них еще и картонные коробки без каких-либо опознавательных знаков. Каждому призывнику в комплекте с миской баланды была выдана бутыл с бесцветной жидкостью. Леха открутил пробку и выразительно повел носом ...

– Спирт! – он ошарашенно взглянул на меня. – Медицинский ...

– Ну, вот ..., – многозначительно ответил я. – А ты сомневался ...

Сплоченный коллектив мобилизованных воспринял появление «спецпайка» радостными возгласами. Я задумчиво покрутил свой пузырь в руках. «Слезать нужно с этой темы ...», – настойчиво сверлила мозг рациональная мысль. – «Слезать и голову включать!»

После приема пищи в казарму вошел невзрачный человек с погонями майора. Невысокий, пожилой, абсолютно лысый. Круглые очки его приветливо блеснули, когда он обвел взглядом уже опохмелившийся контингент призывного участка. С долей опаски он бросил взгляд за спину, где его «подстраховывали» с десятков вооруженных бойцов. Заметно успокоившись, он обратился к призывникам:

– Доброе утро.

– Бывало и добрее ..., – развязно выкрикнул кто-то в ответ.

Майор поморщился, а потом натянуто улыбнулся, стараясь быть толерантным к особенностям аудитории.

– Меня зовут Глеб Павлович. Сегодня я постараюсь ввести вас в курс того, что происходит в зоне проведения Уникальной Вооруженной Акции. В силу того, что эти сведения для вас жизненно необходимы, советую присутствующим внимательно выслушать все что я расскажу. Итак ...

Признаться, сначала я думал, что сейчас нам будут рассказывать о диспозиции сил на передовой, тактико-технических особенностях вооружения предполагаемого противника и прочих немаловажных аспектах, но ... К моему изумлению, Глеб Павлович в первую очередь начал читать нам лекцию о том, как нам следует вести себя в отношении гражданского населения Миянмы. Выражался он весьма витиевато и обтекаемо, но суть я уловил сразу – мы были просто обязаны вести себя как оккупанты со всеми вытекающими.

– Помните! – майор возвысил голос. – Солдаты Империи освобождают многострадальный народ Миянмы, поэтому им должно оказываться всестороннее содействие и поддержка! На войне ведь как? Каждый, кто может держать в руках оружие – потенциальный враг! Вам нужно вести себя так, чтобы у местного населения даже мысли о противодействии не возникало. Надеюсь, в деталях объяснять не нужно?

Глеб Павлович пристальным взглядом обвел аудиторию.

– Короче, щемить их всех по-полной! – пьяно выкрикнул кто-то.

Губы майора дрогнули в холодной усмешке.

– Ну-у, – протянул он. – Не так чтобы уж прямо щемить, но ... В целом вы правы. В строгости держать!

После этого специалист по моральной поддержке долго разглагольствовал о высоком моральном облике солдата Империи. И это, сука, прямо после того, как только что непри-

крыто призвал собравшихся заниматься откровенным геноцидом! Потом плавно съехал на то, какие зверства творят миянцы по отношению к своему же местному населению и пленным имперцам. Майор последовательно пытался донести до нас единственный посыл – мы должны безжалостно уничтожать все, что окажется в поле нашего зрения. Хороший миянец – мертвый миянец!

Как я понял, основной задачей этого специалиста было создание у нашего коллектива состояния крайней нетерпимости к противодействующей стороне. И неважно – солдат перед тобой, или гражданский. Установка была возможна лишь одна – ненависть! И, нужно признать, его речь нашла отклик в сердцах мобилизованных. Все чаще из массы призывников раздавались одобрительные возгласы, подтверждавшие готовность уничтожать на своем пути все живое ...

Переглянувшись, мы с Лехой приняли еще по дозе Империи – чисто для морального здоровья. Спустя полчаса майор ушел, а его место занял высокий худощавый капитан, притащивший в казарму несколько красочных плакатов с различными модификациями автомата Кокошникова, ручными гранатами, пулеметами и минами. Бесцветным голосом, тыча деревянной указкой в свои пособия, он принялся что-то объяснять. Разобрать можно было, дай бог, одно слово из десяти, поэтому многие из «учеников» немедленно приступили к распаковке пузырей со спиртом. Несколько «гонцов» метнулись в сторону туалета – за водой для того, чтобы раз-

бавлять коварный напиток.

Глава 4

Капитана сменила молоденькая медсестра в белом коротеньком халатике. Отвечая милой улыбкой на сальные шуточки и откровенные заигрывания пьяной толпы, она в течение часа объясняла азы оказания первой помощи – как в расположении части, так и на поле боя. Прозрачно намекнула на то, что с медоборудованием, лекарствами и перевязочными материалами в армии Империи все довольно-таки не очень, но полупьяный коллектив не обратил на это никакого внимания – призывников больше интересовал номер ее роскошной груди, то и дело дерзко выглядывавшей из декольте. Напоследок, решительно отвергнув предложение сделать искусственное дыхание, она упорхнула восвояси.

После обеда, состоявшего из очередной разновидности местной баланды и компота, который многие оставили на «запивон», рабочие внесли в расположение несколько казенных столов и стульев. Минут через пять в казарме нарисовались с десятков военных в белых халатах. У каждого из них в руках была пачка документов. По одному, нас стали вызывать на «прохождение медосмотра», который, как я понял, заключался в дежурных фразах «Годен? Годен!» «Что-то болит? Зеленочкой помажь!»

Судя по тому, что выкрикивали фамилию, имя, отчество и год рождения, я решил – могут возникнуть проблемы. У

меня-то документов при «поступлении» не было, как ни крути! А отсюда что может получиться? Опять же – выяснение личности со всеми вытекающими ...

Но, все разрешилось уже через полчаса, когда дородный мужик рявкнул:

– Коротков Андрей Германович. Двадцать восьмого, ноль четвертого, восемьдесят пятого!

Признаться, внутренне я уже счел себя нелегалом, поэтому среагировал не сразу ...

– Мать твою, Кротков, блядь, Андрей! – мужик побагровел от напряжения. – Двадцать восемь, ноль четыре, восемьдесят пять!!!

И тут меня прорубило – ведь это именно эту дату я надиктовал оперуполномоченному Штыку В.В. в отделении! Стало быть, документы тут похер ... Был бы человек, а бумажку к нему уж какую-нибудь приложат ...

– Я! – охрипшим голосом откликнулся я.

– Хули я?! – гневно воззрился на меня военврач. – Сюда иди!!!

Когда я подошел к столу, «доктор» мрачно взглянул на меня и с неохотой спросил:

– Со слухом херово?! Откосить решил? Так на передовой многие почти сразу глохнут, не беда!

Я пожал плечами. Смысл косить? Организм мне достался от Арти – дай бог каждому! Ну, поистрепал я его в последнее время «синькой», что с того? Восстановится. Тем более,

этот мордovorot здесь вовсе не для того, чтобы меня комиссовать, а скорее наоборот. Чтобы галочку в бумажке поставить, и ни для чего более ...

– Здоров, – угрюмо ответил я.

– Свободен, – уже не глядя на меня ответил врач.

Он поставил в бумаге размашистую подпись, а я направился на свое место.

Остаток дня прошел до безобразия стабильно – пьянка, ужин и снова пьянка. Порой у меня складывалось ощущение, что я тут нахожусь уже с неделю, не меньше – до того мне тут все обрыдло. Как будто тонешь в вонючем болоте – медленно, планомерно и безысходно.

Под вечер, развлечения ради, нам вновь показали какой-то военный фильм. Правда, на этот раз – с претензией на юмор. Бравый солдат с внешностью Бонда отчаянно, с шутками и прибаутками, уничтожал полчища противников, умудряясь при этом безбожно флиртовать с медсестрами, поварихами и даже представительницей противодействующей стороны. Этаким супермен а-ля Имперец Романовского – условно обаятельный, накачанный и искрометный в плане юмора. Одним словом – эталон, к которому должно стремиться все мужское население Империи.

Нужно отметить, мои товарищи по несчастью восприняли киноленту на «ура», активно комментируя происходящее на экране, особенно – эпизоды с эротическим подтекстом.

Мы с Лехой добились «Империю», после чего разбавили

спирт водой. Оба с отвращением взглянули на помутневшее пойло, а потом отрешенно «причастились». Говорить особо не хотелось, обстановка не та. Самым отвратительным было то, что мы даже отдаленно не представляли – как будет происходить передислокация нашего «бравого подразделения». Исходя из этого, было невозможно составить хоть какой-то набросок побега. А бежать определенно нужно! И в идеале – пока мы еще на территории своего государства.

Исполненный самых мрачных дум, я завалился спать ...

Новый день начался с уже привычной истошной сирены. После нее жизнерадостный голос невидимого диктора сообщил нам, что после завтрака нас снабдят всем необходимым для передислокации в Миянму.

Так все оно на самом деле и вышло. В придачу к тарелке вязкой, словно глина, каши нам выдали по очередному спиртовому «мерзавчику».

Массовый опохмел был прерван появлением множества рабочих, развозивших на больших телегах «наборы новобранца», состоявших из вещмешка и скатанного спальника. Интересы ради, я распустил тесьму рюкзака. Московская Империя снабжала своих воинов весьма изысканно. Пара нательного белья, носки, фонарик (почему-то без батареек), кусок мыла, зубная щетка в футляре, вафельное полотенце. Сухой паек состоял из двух банок тушенки, упаковки галет и пластиковой бутылки негазированной воды. И ... все.

По окончании этой «раздачи слонов» появился Смурной.

Какое-то время он наблюдал за призывниками, которые сосредоточенно копались в своей амуниции.

– Товарищ полковник, вопрос можно? – несмело спросил кто-то.

Голос призывника слегка дрожал. Оно и понятно, уведут не дай бог на беседу, как в свое время говорливого. А потом вернут в виде некондиции ... Или еще хлеще – завалят прямо на месте, не отходя от кассы.

Смурной великодушно кивнул и заинтересованно прищурился.

– Товарищ полковник, – со своего места поднялся молодой, почти подросток, парень и смущенно откашлялся в кулак. – Простите, но ... Это – все что нам полагается?

Он неуверенно вытянул вперед руку со своим вещмешком.

– Пока – да, – сухо ответил начальник призывного пункта. – Доберетесь до Миянмы – поступите на довольствие местного командования. В любом случае, никто вас в бой сразу не отправит! В лагере Министерства Обороны у вас будет неделя на подготовку к боевым действиям. А уж после вас снабдят всем необходимым на поле боя.

Парень пролепетал себе под нос что-то, напоминавшее слова благодарности, сник и сел на свое место.

Я взглянул на Леху – тот с раздражением швырнул свой вещмешок на пол и потянулся к спирту. Разбавив, мы выпили.

– Сука, как в сказке! – мрачно произнес он. – Чем дальше, тем страшнее. Хрен с ним, быстрее бы выбраться из этого хлева. А там – что-нибудь придумаем ...

Вот в этом я был согласен с ним на сто процентов! Атмосфера заблеванной и загаженной казармы уже в прямом смысле давила на мозг. Это если не учитывать постоянно пьяного контингента со всеми его характерными особенностями.

Мы выпили еще, после чего я задумчиво взболтал «разведенку» в бутyli.

– Интересно, встреча с визорами нам предстоит?

– Думаешь – с синьки слезть? – прищурился Леха.

– Определенно, нужно, – кивнул в ответ я. – Не в детский сад едем ...

По прошествии часа, который нам дали на сборы, вновь взвыла сирена.

– Граждане мобилизованные! Десятиминутная готовность! Партиями по двадцать пять человек вас, со всей амуницией, сопровождают к автобусам для перевозки на аэродром.

Диктор не обманул. Вскоре казарма вновь наполнилась вооруженными людьми под командованием сурового капитана. Атлетически сложенный кэп бесцеремонно выстраивал первую партию в некое подобие колонны. Брезгливое выражение его лица красноречиво отображало все те чувства, что он испытывал к контингенту призывного пункта. Тем не менее, он старался держать себя в руках, да и своим под-

чиненным вольностей не позволял. Когда один из его бойцов от всей души ударил ногой чересчур пьяного призывника, тщетно пытавшегося подняться с койки, капитан немедленно пресек беспредел, ткнув рядового прикладом автомата под дых.

Подъемные ворота, расположенные в стене справа от нас, открылись, и солдаты отконвоировали первую партию новобранцев. Судя по тому, что вооруженные люди переместились в нашу сторону, мы с Лехой были в следующей команде.

Закинув вещмешки с пристегнутыми к ним спальниками на плечи, наша команда выстроилась перед воротами. Ждали мы не долго, видимо первую партию уже спешно погрузили в транспорт. Ворота медленно открылись ...

Прямо перед нами был широкий бетонный плац, со всех сторон огороженный прочной металлической сеткой. Что сразу бросалось в глаза – большое количество гражданских, вцепившихся в эту самую сетку по ту сторону ограждения. В большинстве своем, женщины и дети, реже – мужчины преклонного возраста. Все они, затаив дыхание, всматривались в ряды нашего сплоченного коллектива, в попытке высмотреть среди нас именно того, ради кого они и пришли сюда. Совсем недалеко от ворот были припаркованы несколько облезлых автобусов, в окнах одного из которых можно было разглядеть призывников из первой партии. Станным было то, что они смиренно сидели на своих местах, глядя прямо перед собой. Никто из них даже не пытался взглянуть через

окно на гражданских, явно пришедших на проводы.

По углам плаца были расположены вышки. На них – караульные, бдительно наблюдавшие за процессом погрузки мобилизованных в автобусы. Интереснее было другое – рядом с вышками, на высоте с десятков метров, были установлены сооружения, напоминавшие своим видом ... Я невольно попытался сглотнуть слюну и немедленно поперхнулся. Точно! Установки были подобны тем, что я имел честь видеть тогда – у метро Варшавского. Та самая психоделика направленного действия, управлял которой сенс с имплантированным в мозг чипом!

В подтверждение моей догадки, я немедленно уловил волны невидимого облучения, «сокатившие» нашу группу – они шли именно со стороны тарелкообразных устройств. Я инстинктивно включил сенс-защиту, хотя далеко не был уверен в том, что был способен на это. Впрочем, тогда с Таши это сработало.

Я сосредоточился, пытаюсь определить характер воздействия этой сенс-атаки. Что-то тревожное ... Пугающее ... Вызывающее апатию и панику практически одновременно. Я чуть ослабил защиту, пытаюсь прочувствовать это на себе. Пара секунд ... Точно – волна депрессивной безысходной тоски чуть было не захлестнула меня с головой. Я немедленно восстановил защитный барьер и взглянул на Леху. Парень, не обладавший противоядием, совершенно потерялся и с тоской взглянул куда-то мимо меня. Потом он опустил

свой потухший взгляд ...

– Второй автобус справа! – прозвучала негромкая команда. – Вперед. Шагом марш!

Мы понуро побрели в указанном направлении. Словно отряд зомби, ведомых умелыми заклинателями ... На лицах товарищей по несчастью я не заметил абсолютно никаких эмоций – они безучастно смотрели прямо перед собой, болезненно сосредоточившись на чем-то глубоко внутри себя. Что ни говори, Система превзошла саму себя – никаких тебе оков и наручников на глазах у сердобольных родственников и возможных представителей СМИ. Все чинно и благородно – строй бравых патриотов готовится к передислокации в зону УВА! Ну, а если все же и найдется «киндер-сюрприз», вроде меня, то автоматчики на вышках мгновенно перехватят инициативу в свои мозолистые руки. И не подкопаешься потом – военное положение у нас! Со всеми вытекающими! Невыполнение приказа, саботаж – все дела ...

И был еще один немаловажный нюанс ... Я искоса взглянул на сопровождавших нас конвоиров – было непохоже, что облучение оказывает на них какое-либо воздействие – они вели себя так, как и полагалось адекватным вертухаям. Вот и призадумался ... Можно было бы предположить, что все они являлись сенсами, но этот вариант был весьма маловероятен. Стало быть, у них была какая-то защита. Какая? Я невольно усмехнулся. Вот уж точно – не шапочка из фольги под форменной кепкой! Вопрос на сто миллионов, однако!

Мы уже практически достигли автобуса, когда напряженную тишину над плацем нарушил пронзительный женский крик:

– Паша! Пашенька!!! Мы здесь!!!

Худошавая молодая женщина, высоко подняв над собой на руках маленькую девочку, всем телом легла на решетку. Девчушка так же что-то там неразборчиво кричала, призывая своего папку ...

И в этот роковой момент «папка» проявился – видимо, природные инстинкты на один короткий миг возобладали над технологиями тоталитарной машины. Или сенс с чипом на что-то отвлекся ... Шедший впереди меня мужчина резко остановился и повернулся в сторону забора. Его худое лицо озарила счастливая улыбка.

– Ксанка! – воскликнул он и приветственно помахал в ответ рукой.

Всплеснув ручонками, девчонка залилась радостным смехом. Почти в ту же секунду ее отец внезапно пошатнулся, а потом всем весом навалился на меня. Я поймал его, одновременно всем телом ощутив удар сенсорики неимоверной мощи. По всей видимости, зазевавшийся оператор, немедленно восстановил «статус-кво», шибанув «белую ворону» прицельным ударом. Я растерялся ... А мне-то что теперь делать прикажете? Этого вон сшибло с ног. По идее, если я оказался в радиусе поражения, должно и меня. А я целехонек! Объясняйся потом ...

Поэтому я тоже наигранно покачнулся и, что было сил, ухватился за плечо соседа. Тот принял неожиданную нагрузку на удивление спокойно, лишь пошире расставил ноги. И абсолютно никаких эмоций!. Я попытался скопировать его выражение лица и медленно восстановил равновесие, изо всех сил стараясь не показать окружающим своего эмоционального напряжения. В ту же секунду рядом возник конвоир – он перехватил у меня безвольно обмякшее тело отца девочки, после чего пристальным взглядом впился мне в лицо. Я никак не отреагировал, невольно почувствовав себя игроком в покер с потолковым раскладом на руках.

В следующее мгновение он уже передал бесчувственного призывника другому конвоиру, а сам сквозь зубы произнес: – Быстро! Грузимся! Без эксцессов!

И мы, словно единое безвольное целое, «потекли» к распахнутым дверям автобуса. Краем глаза я успел заметить рыдающую девочку, уткнувшуюся в грудь матери ...

Автобус имел конструкцию, сопоставимую с автозаком – отдельный вход в кабину, помещение для охраны и, собственно, салон для пушечного мяса. Разнообразие вносили лишь окна с толстыми «антивандалными» стеклами – такое хрен выбьешь!

Я ухватил Леху за руку и втолкнул его на одно из сидений, сам уселся ближе к проходу. Мой друг все еще не отошел от подавляющего волю воздействия излучения – он безучастно уставился сквозь грязное стекло на бетон плаца. Впрочем,

остальные мои попутчики в плане поведения ничем от моего друга не отличались – словно биороботы в режиме ожидания, они расселись по местам и замерли, как в спячке. Мне в этом «зомбариуме», признаться, стало немного не по себе. Окружающие-то хрен с ним, а вот Леха ... Я как-то уже привык к тому, что, в отличие от остальных, он – в адеквате. Я незаметно ткнул его локтем в бок, пытаюсь хоть немного привести в чувство. В ответ он посмотрел на меня, словно на пустое место, после чего вновь отвернулся к окну. Делать нечего, я тоже замер – ни к чему было выделяться из толпы.

Минуту спустя я понял, что выбрал правильную тактику поведения. В салон заглянул вооруженный боец, пристально осмотрел притихших призывников и удовлетворенно кивнул, после чего захлопнул решетчатую дверь.

Спустя некоторое время, когда вся наша партия была погружена в автобусы, мы, наконец, покинули территорию призывного пункта. Напоследок я успел заметить, как разношерстная толпа провожающих обреченно махала нам вслед руками. В добрый, сука, путь!

Ехать пришлось долго – часа три, не меньше. Первым из «долины забвения» вернулся, как и следовало ожидать, мой сосед – Леха. Он издал тихий стон, а потом от души выматерился. Я восторженно и с интересом взглянул на него – сжав виски руками, друг растерянно осмотрелся, словно не понимал – где он находится и как тут оказался. Потом он сосредоточил взгляд на мне.

– Андрюха, че за херня?! – растерянно произнес он. – Что со мной было?! Я сознание терял?

– Успокойся, – я невесело подмигнул ему. – Не ты один, под облучение попали все.

– Что за, мать его, облучение? – он непонимающе потряс головой. – Ни хера не помню ...

Лишь на миг я задумался, а потом решил все же пока что не выдавать себя. Да и ни к чему ему знать о том, что я – сенс. Вернее, был таковым до укола инъекцией УЕ 95.

– Облучение? – переспросил я, а потом нахмурился. – Перед тем, как тоже «потеряться», я успел заметить установки на плацу – сенсорного воздействия.

Леха, с выражением полного невладения ситуацией, продолжал смотреть на меня, ожидая пояснений. Как я понял, установки являлись, своего рода, ноу-хау. Ну, да, ведь их первое «народное» испытание произошло прямо у меня на глазах – у метро Варшавского. Тем не менее, скорость внедрения новой технологии просто поражала – уже и в военкоматах установили. Оперативно! Стало быть, Система уже заранее поставила их производство на поток. Задолго до даты испытаний ...

И тут я вспомнил о дроне, управлявшем водителем грузовика – того самого, что взорвался в развлекательном центре. Технология та же, лишь исполнение на более высоком уровне ...

– Андрюха! – друг вернул меня к действительности, дер-

нув за рукав. – Что за установки?!

– Да я сам немного знаю, – уклончиво ответил я. – Слышал, что есть такие и все ... Сенс с чипом в башке, какие-то усилители сигнала, направленное действие ... По ходу, то самое на нас и испытывают.

– Ни хера себе, – сдавленно прошипел Леха. – Это что же получается?! Это нами теперь вот так запросто ... Управлять будут?!

– Выходит – так ..., – развел я руками.

– Блядь! – глухо откликнулся мой друг. – Вот блядь-то!

Действуя чисто механически, он нашарил в стоящем под ногами вещмешке бутыль с разбавленным спиртом, лихорадочно открутил пробку и припал к горлышку губами. Спустя несколько мгновений протянул ее мне. Я с сомнением взглянул на подношение ...

– Не хочу ..., – я покачал головой. – Пока так – точно. Да и тебе не советую. Впереди у нас – аэродром. Возможно, последний шанс соскочить. Хотя ... Разве только чтоб не колбасило ...

Я таки взял бутыль и сделал маленький глоток – так, скорее – чисто психологический момент. Для себя я уже твердо решил – слезаю нахрен, достало! Достало это пойло, достало похмелье как образ жизни. Отныне мне, как никогда ранее, нужна трезвая и адекватная голова. Если выживу во всей этой передрыге – начну новую жизнь! Если не сдохну на войне или, что не менее вероятно – в процессе выхода из

запоя ...

– Пьянству – бой? – Леха грустно улыбнулся, а потом вздохнул. – Полностью поддерживаю!

Вокруг начали приходить в себя наши попутчики. Естественно, все они задавались тем же вопросом, что им минуту назад мой друг – а какого, собственно, хера произошло?! Но вскоре, решив не ломать над этим голову, поспешили отметить отправную точку в своем боевом и славном пути. Уже через полчаса замкнутое пространство салона автобуса огласилось бравурными выкриками типа «Смерть миянам!» и «Всех порвем!». Призывники истово клялись в кратчайшие сроки навести порядок на территории соседнего государства и с победой вернуться домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.